

Многие годы я мечтал побывать в городе моего детства, увидеть, какие произошли изменения на месте развалин, оставленных войной. После ввода в эксплуатацию Крымского моста это желание многократно усилилось.

До Великой Отечественной войны моя семья проживала на берегу Чёрного моря в городе Анапа. Это был небольшой уютный городок с населением менее двадцати тысяч человек с прямоугольной сеткой улиц. Стоя в одном конце улицы, можно было видеть её окраину в другом. В городе работало четырнадцать санаториев и больше десяти пионерских лагерей.

Центральную старую часть города отделял от частной застройки широкий Турецкий ров, за которым когда-то находилась крепость. О существовании крепости сохранились массивные каменные ворота, около которых стояли пушки времен первой русско-турецкой войны.

В трудах греческих учёных упоминается о существовании поселения за несколько веков до рождения Христа. В четырнадцатом веке генуэзцы построили на мысу прочное укрепление. Существует множество переводов слова «Анапа». В

древнегреческой «Аргонавтике» слово «Анапа» упоминается как происходящее от слова «Высокий мыс» – «Ана-па».

Наш небольшой саманный домик стоял на улице Черноморской около Морской школы, за которой тянулся пустырь до аэродрома с грунтовой взлётной полосой. Частные домики утопали в зелени фруктовых садов. Только на центральной улице Пушкина возвышались двухэтажные каменные дома, а вдоль морского побережья стояли красивые здания санаторий.

Дороги центра покрывал асфальт, по улице Черноморской проходила булыжная мостовая, а дороги остальных улиц были грунтовыми. Под южным солнцем пыль на дорогах нагревалась и доставляла удовольствие ходить по ней босиком.

Общественный транспорт в городе не ходил. В нём не было надобности. Любой уголок города был в пределах пешеходной доступности.

Довоенные годы были самыми счастливыми в моём детстве. Закончив первый класс средней школы, мы с друзьями целые дни проводили на море. Купались, рыбачили, ловили крабов и креветок.

Началась война. Отец ушёл на фронт, мама осталась с тремя детьми и бабушкой на оккупированной территории. Мне, как старшему из детей, пришлось часть мужской работы взять на себя.

Немцы с первых дней войны методично по ночам бомбили город. Бомбы разрушали общественные здания и жилые дома. В 1942 году в город вошли немецкие войска. Начался самый тяжёлый, незабываемый период моего детства. Из памяти не стираются облавы, расстрелы, угон трудоспособных жителей в Германию. Через год, отступая, фашисты взорвали все каменные дома. Они не щадили жителей. За полчаса люди должны были собраться и покинуть свои жилища. Подрывали дома на перекрестках улиц, чтобы затруднить продвижение

техники наших войск. На перекрёстке улиц Черноморская и Гоголя сохранился только наш дом, поскольку был саманный и находился глубоко в саду.

Через несколько дней после изгнания фашистов из города, мы с ребятами отправились на рыбалку. На центральной улице имени Пушкина не было ни одного уцелевшего здания. Нам пришлось преодолевать улицу, перебираясь через обломки стен зданий. Вот такой мне запомнилась послевоенная Анапа.

Самолёт сделал разворот и пошёл на посадку. Меня охватило волнение. Прижавшись к стеклу иллюминатора, хотел увидеть знакомую местность, но самолёт приземлился в новом аэропорту, расположенном далеко от города.

На такси доехал до автовокзала. Вокруг стояли современные здания. Раньше здесь была окраина города, за которой тянулись Кубанские степи до посёлка Витязево. Мне захотелось пройти пешком и познакомиться с городом. В моей памяти сохранилось название улиц, и я шёл в нужном направлении в сторону маяка на высоком мысу, около которого находился мой санаторий. На улице Пушкина стояли красивые современные здания. Многие были выше десяти этажей. До войны каменные здания выше двух этажей не строили. Местность относится к сейсмическому району.

На следующий день отправился по улице Черноморской разыскивать дом, в котором жил в военные годы. Улица преобразилась, словно помолодела. По обе стороны стояли новые частные дома и общественные здания. От прежней застройки остался только восстановленный винный завод.

Пересекая улицу Крепостную, остановился. Передо мной простирался большой парк. Здесь проходил широкий турецкий ров, разделяющий старый и новый город. В пятидесятые годы прошлого века его засыпали.

За высоким забором стоял сохранившийся в прежнем виде мой дом. Хозяев дома не оказалось. Постучал в ворота соседей. Меня встретила молодая женщина.

Она оказалась дочерью моего приятеля Гены Старжинского. За чашкой чая мы беседовали больше часа, вспоминая далёкое прошлое, дорогое и милое нашим сердцам.

Она не знала своего деда, так как родилась после войны. По возрасту его не призвали в Армию. Немцы несколько раз предлагали дяде Косте стать полицейским, но он всегда отказывался, ссылаясь на трёхклассное образование. После очередной облавы его вместе с другими жителями Анапы увезли в Германию работать на немецких предприятиях. В конце разговора она предложила:

– Хотите посмотреть свой дом? Мне доверили код замка калитки.

– Конечно, хочу!

И вот я во дворе, взглянуть на который мечтал многие год. Домик прежний. Только крыша покрыта металлом вместо черепицы. Сарай приспособлен под жильё для хозяев, а дом сдаётся отдыхающим. От большого сада не осталось ни одного дерева. На его месте строится дом.

На третий день я отправился с экскурсией по Крымскому мосту в Керчь. Дорога тянулась вдоль песчаной косы в сторону поселка Витязево. По обе стороны возвышались корпуса санаториев и домом отдыха. Дальше дорога шла вдоль сельскохозяйственных полей и виноградников.

Подъезжая к Крымскому мосту, я приготовил фотоаппарат, но сделать снимки моста не удалось. Впереди видна только дорога. Остановки у моста и на нём запрещены. У меня остались лучшие впечатления о мосте по снимкам в интернете, сделанным с вертолёта и моря. В Керчи автобус проехал по улицам города и поднялся на гору Митридат. Название она

получила в честь царя понтийского Митридата. Здесь располагался античный город Пантикапей – столица Босфорского царства. С вершины горы видны Крымский мост и вся Керчь, как на ладони.

Мне не терпелось пойти в сквер, в котором присутствовал при перезахоронении партизан, погибших в борьбе с фашизмом, и найти на обелиске фамилию отца моего друга Жени. Мы с ним стояли рядом. Когда среди погибших партизан назвали имя его отца, он плакал и дрожал, у меня давно катились слёзы.

И вот я в центральном сквере. На месте скромного обелиска воздвигнут памятник с вечным огнём. На гранитных плитах высечены имена погибших в Великую Отечественную Войну. Уходил из сквера с тяжёлым чувством на душе и с непокрытой головой.

Купаясь на пляжах, гуляя по скверам и улицам под палящим южным солнцем, я видел чистый, спокойный город, без потока людей и шума машин.

Улетал я из курортного города с чувством выполненного долга, небольшой грустью и надеждой ещё в нём побывать.